

М. П. ВАЛЬЦ

РЕЦЕПЦИЯ ИДЕЙ В. ШТЕРНА В «МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ» А. С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО

Анализируются механизмы рецепции как одного из основных способов освоения научного наследия применительно к сфере психологии и их трансформация в области исторического знания на примере труда А.С. Лаппо-Данилевского «Методология истории» и идей В. Штерна.

Ключевые слова: рецепция, А.С. Лаппо-Данилевский, В. Штерн, методология истории, психология.

Для своих исторических построений в «Методологии истории»¹ А.С. Лаппо-Данилевский зачастую использует идеи ученых, работавших в других областях знания. Особое место автор отводит психологии, играющей важную роль в его концепции. Используя проведенные другими специалистами исследования, Лаппо-Данилевский выстраивает свою теорию. Здесь мы сталкиваемся с таким механизмом познания, как рецепция, под которой понимаем осознанный интеллектуальный процесс восприятия идей и концепций и их трансформации в соответствии с исследовательскими подходами и познавательными задачами реципиента.

Много внимания Лаппо-Данилевский в своем труде уделял немецкому психологу В. Штерну, чьи выводы стали основой для рассуждений российского историка. В «Методологии истории» Лаппо-Данилевский упоминает следующие работы немецкого ученого: «Воспоминания, показания и ложь в раннем детстве»², «Показания как духовный результат и как продукт допроса»³, «Опыты реальности»⁴, «О психологии показаний»⁵. Больше всего материала российский историк использует из второго исследования, которое мы и выберем для изучения.

Отметим также, что мы работали не с русскоязычными переводами, а с оригинальными текстами и именно теми изданиями, которыми пользовался сам Лаппо-Данилевский. Названные работы В. Штерна на русском языке отсутствуют (по данным фондов Российской Государст-

¹ Лаппо-Данилевский. 2010.

² Stern C. und W. 1909.

³ Stern. Die Aussage... 1904.

⁴ Stern. Wirklichkeitsversuche... 1904.

⁵ Stern. 1902.

венной Библиотеки и Государственной публичной исторической библиотеки)⁶.

Размышляя о неверных свидетельских показаниях, российский историк обращается к взглядам В. Штерна: «В связи с только что перечисленными “ошибками памяти” или воспоминаниями, возникающими под влиянием воображения, можно указать и на такие, которые происходят от инстинктивного стремления разума дополнить или объяснить данные опыта. В таких случаях свидетель выдает свое толкование факта за испытанный им действительно бывший факт. Свидетель видит, например, человека, сидящего за столом, но не то, на чем он сидит, и тем не менее, в показании своем говорит, что он видел человека, сидящего за столом на стуле; свидетель наблюдает, положим, трех людей, собравшихся вокруг стола и приступающих к обеду, причем один из них в вышеуказанном положении, другой сидит на скамье, а третий собирается занять стул, который стоит спереди у стола, но в своем показании о виденном говорит, что, соответственно числу обедающих, при столе было три стула; свидетель замечает собаку и оглядывающуюся даму, и превращает эти два ничем не связанные в действительности образа в яркую сцену нападения собаки на даму и т.п.»⁷.

Теперь посмотрим, что пишет сам В. Штерн: «На вопрос: “Можно ли увидеть, на чем сидит человек?” – чаще неверно отвечают: “Да”, – вместо правильного: “Нет”. С чисто объективных точек зрения, конечно, здесь не имеется никаких “дополнений”; понятно, что у человека должно быть какое-то место для сидения. Но также ясно, что на картине нет и следа этого места для сидения, и в этот раз вопрос как раз не о том, о чем обычно: об обработанном и дополненном через сами собой разумеющиеся толкования и логические выводы воспоминания, – а о голых фактах восприятия как таковых; не об объекте, а об ощущении. Результат чаще всего таков: невозможно провести четкое разделение между настоящим восприятием и истолкованным, хотя не представленные факты, а скорее изображающая картина содержит дополнение в показаниях»⁸. И приведем еще одну мысль В. Штерна: «Так как там есть три человека, которые хотят пообедать, должно быть – так заключают люди – и три стула, которые неоднократно уже возникают в показаниях. По этой же причине на допросе восемьдесят процентов всех опрошенных на вопрос о количестве находившихся на столе ложек от-

⁶ Перевод с немецкого языка ниже приводимых цитат выполнен мною – М.В.

⁷ Лаппо-Данилевский. 2010. Т. 2. С. 310.

⁸ Stern. Die Aussage... 1904. S. 94.

ветило: “Три”. Данный вопрос содержит наибольший процент ошибок от всех вопросов на допросе вообще»⁹.

Итак, сравнив все три вышеприведенные цитаты, отметим следующее. Конечно, нельзя сказать, что Лаппо-Данилевский точно передает мысли Штерна в своей «Методологии истории», но определенное сходство все же прослеживается. Во-первых, российским исследователем был взят пример с местом для сидения и мысль о том, что свидетели не обращают специального внимания на то, на чем именно сидит человек. Далее Лаппо-Данилевский развил эту мысль и заключил, что даже если все три человека будут сидеть на разных стульях или креслах или скамейках, и даже более того, если один из них будет стоять, то свидетель не придаст этому большого значения и, скорее всего, скажет, что было три стула, например, то есть по одному на каждого человека. Хотя это могли бы быть и кресла. Во-вторых, в рамках данного примера, Лаппо-Данилевский перенял представленную ситуацию с обедом и тремя людьми из второй цитаты Штерна, приведенной нами. А ложки, служившие другим примером немецкого психолога, российский историк заменил все теми же стульями, которых так же, как и тех самых ложек, по результатам опроса было три.

Таким образом, Лаппо-Данилевский иллюстрирует свою мысль видеоизмененным примером из работы Штерна. В данном исследовании немецкий психолог не предпринимает попыток включить полученные им выводы в область истории, но это делает Лаппо-Данилевский. Так, автор «Методологии истории» обосновывает с точки зрения психологии утверждение о том, что в исторических показаниях бывают ошибки, которые могут «проскользнуть» неосознанно и без умысла сфальсифицировать данные. Лаппо-Данилевский развивает утверждения Штерна, и в своей работе использует уже измененный пример, который он не присваивает себе, но дает указание на исследование немецкого коллеги.

В следующих рассуждениях, продолжая говорить об ошибках в показаниях, Лаппо-Данилевский использует доказанное Штерном положение: «Исследователь не может упускать из виду, например, что, судя по некоторым опытам, впрочем, едва ли достаточным, женщины, пожалуй, “менее забывают, но больше искажают”, чем мужчины»¹⁰. В оригинальном же исследовании немецкий психолог пишет следующее: «Мой прошлый, основанный на работе с восьмью женщинами вывод: “Женщины забывают меньше, но искажают больше,” – мог бы, конечно, считаться

⁹ Ibid. S. 98.

¹⁰ Лаппо-Данилевский. 2010. Т. 2. С. 316.

временным. Вытекающие отсюда положения никаким образом не должны претендовать на общепринятость. Необходима была перепроверка на более широкой основе»¹¹. Штерн впоследствии провел более обширное исследование, которое подтвердило выдвинутую немецким психологом гипотезу¹². Но отметим, что последнее исследование было проведено на подростках, а не на взрослых людях. Лаппо-Данилевский называет опыты «едва ли достаточными», но, несмотря на это, включает результаты исследования в свою концепцию и, говоря о возможности неточных показаний, отмечает, что необходимо учитывать дополнительные факторы, такие как, например, пол лица, дающего показания.

Далее А.С. Лаппо-Данилевский говорит о внушении: «Вынужденные показания часто возникают под влиянием внушения: оно прививает воспринимающему лицу идеи, чувства или эмоции без участия его воли и нередко даже без ясного с его стороны сознания, заставляет его говорить то, что хочет за него другой, хотя бы самому воспринимающему его показание и казалось самопроизвольно данным. Более или менее явно выраженное ожидание опрашивающего и самая постановка вопроса может уже внушать свидетелю то направление, в каком он “должен” ответить. Такая форма показания часто лишает свидетеля возможности придать ему индивидуальный характер, а иногда выпытывает у него сведения, которые он хорошо не помнит или не знает и при сообщении которых он впадает в ошибки»¹³.

Сравним с тем, что пишет В. Штерн. Немецкий психолог рассматривает сущность внушения и отмечает, что оно бывает активным и пассивным и может касаться любой сферы. Штерн выделяет важные отличительные черты внушения: во-первых, оно должно повлечь за собой не просто индифферентное содержание сознания, но и точку зрения по конкретным содержаниям сознания. Во-вторых, внушаемый перенимает уже готовую точку зрения внушающего, акт самостоятельного постижения, прихода к этой точке зрения самим внушаемым индивидом отсутствует. В-третьих, внушаемый считает, что к данной точке зрения он пришел сам и что эта точка зрения его собственная¹⁴. Итак, основная мысль Лаппо-Данилевского восходит к идеям немецкого психолога.

Далее Штерн рассматривает феномен наводящих вопросов, утверждая, что идеальные вопросы, т.е. вопросы, не оказывающие влияния на

¹¹ *Stern. Die Aussage...* 1904. S. 131.

¹² *Ibid.* S. 132.

¹³ *Лаппо-Данилевский.* 2010. Т. 2. С. 350.

¹⁴ *Stern. Die Aussage...* 1904. S. 67-70.

показания допрашиваемого, едва ли существуют. Таким образом, все вопросы влияют на показания допрашиваемого, разница заключается лишь в степени этого влияния¹⁵. Лаппо-Данилевский на этой проблеме подробно не останавливается, несмотря на то, что он дает ссылку и на данное построение Штерна. Российский историк ограничивается скорее общими выводами, более важными для разбираемой им идеи, и акцентирует внимание на основном тезисе о влиянии наводящих вопросов на показания, основываясь также и на примерах, приведенных немецким психологом для иллюстрации своих мыслей, но не приводя их: «Если допрашивающий высказывается, предположим, так: “Если ты знаешь что-то, то скажи это”, то тот, кого спрашивают, ощущает это категорически: “Я должен что-то знать”. Никогда человек, которого допрашивают, не будет оценивать ответ “Я этого не знаю” как положительный <...> поэтому намного охотнее будет дан ложный ответ, чем вообще никакой»¹⁶.

Говоря далее о влиянии допрашивающего на показания допрашиваемого, Лаппо-Данилевский отмечает: «“произвольные показания” сами могли возникнуть иногда путем опроса свидетелей, показания которых записывались и выдавались за произвольные, хотя могли уже быть результатом того внушения, какое оказывает тот, кто ставит вопросы, на того, кто отвечает на них; в случаях подобного рода даже интонации или жесты допрашивающего уже могут влиять на характер ответа; последний, правда, может быть полнее произвольного показания, но легко становится и менее достоверным; впрочем, восприимчивость ко внушению, очень заметная у детей, с течением лет убывает»¹⁷.

Теперь сравним это с тем, что пишет Штерн: «Самый наводящий вопрос, заданный робким голосом, теряет свою внушающую силу, а самый безобидный вопрос, заданный настойчивым тоном, а также сопровождаемый строгим взглядом и повторенный со все нарастающим напряжением голоса, становится духовной пыткой, выпытывающей желаемый ответ»¹⁸. Немецкий психолог отмечает влияние интонации допрашивающего на показания допрашиваемого, о чем говорит и Лаппо-Данилевский. Российский историк также разделяет вывод Штерна: «Способность сопротивляться внушению у более взрослых испытуемых увеличивается почти в два раза по сравнению с детьми»¹⁹. Но все же заме-

¹⁵ Ibid. S. 70-77.

¹⁶ Ibid. S. 62.

¹⁷ Лаппо-Данилевский. 2010. Т. 2. С. 350.

¹⁸ Stern. Die Aussage... 1904. S. 77.

¹⁹ Ibid. S. 45.

тим, что данное исследование немецкий психолог проводил только на детях, а Лаппо-Данилевский об этом ничего не говорит, ограничиваясь фразой, которая может быть отнесена и ко взрослым людям.

Таким образом, в параграфе о критике, устанавливающей научно-историческую ценность показаний источника, Лаппо-Данилевский с психологической точки зрения обосновывает возможность их недостоверности. Российский историк использует выводы Штерна, который в своем исследовании разбирает, в частности, и способы влияния допрашивающего на допрашиваемого. Таким образом, выделяется несколько возможностей влияния: сама постановка вопроса, интонация допрашивающего, его жесты, авторитет (о последнем Лаппо-Данилевский не упомянул, но это является также немаловажным). Российский историк не останавливается подробно на механизмах психики и на том, почему допрашиваемый может дать неточный ответ, отсылая читателя к исследованию специалиста в этой области – Штерна, а просто выделяет важные для исторического исследования моменты, которые также необходимо учитывать при работе с историческими источниками и их критике.

В. Штерн в своем исследовании использовал показания людей разных возрастов (детей, подростков, взрослых), данные на основании картин. То есть испытуемые должны были вспомнить то, что было на них изображено. А.С. Лаппо-Данилевский, которого более интересовали показания об объектах, следующих во времени, т.е. последовательность происходивших событий, считал, что именно они самые важные для историка и отметил ограниченность в этом плане исследования своего немецкого коллеги²⁰. На первый взгляд, для историка важна последовательность событий, что, конечно, справедливо, но все же история не состоит только из временных последовательностей, она охватывает все сферы жизни, также и материальные объекты, достоверное описание которых тоже играет важную роль для исторической картины. Поэтому опыты Штерна, основанные на показаниях о материальных объектах, все же имеют важное значение. Замечание Лаппо-Данилевского в данном случае не очень правомерно, так как Штерн вообще не считал своей целью применить результаты своих экспериментов к области истории. Как пишет сам немецкий психолог: «Теперь мы ставим своей задачей дать новой исследовательской области [экспериментальной психологии – М.В.] прочное теоретическое основание»²¹. Поэтому совершенно очевидно, что автор не уделял внимание показаниям, более интересующим

²⁰ Лаппо-Данилевский. 2010. Т. 2. С. 301.

²¹ Stern. Die Aussage... 1904. S. 1.

историка. Лаппо-Данилевский увидел дальнейшие возможные пути развития психологии, которые могли бы быть успешно применены в области исторического познания.

Рассуждая обширнее о степени достоверности показаний свидетеля, А.С. Лаппо-Данилевский отмечает, что верность данных зависит от «запаса чувственно воспринятого», на основании которого сообщающий и дает свои показания. Опираясь на исследования В. Штерна, российский историк отмечает, что этот запас зачастую превосходит данные, содержащиеся в сообщении свидетеля, «что не трудно заметить при сравнении самопроизвольных показаний в форме рассказа (Bericht) с показаниями, вызванными опросом свидетеля (Verhörprodukt)»²². На самом же деле немецкий психолог пришел к данному заключению не на основе сопоставления названных форм показаний (хотя это также присутствовало в его исследовании), а при рассмотрении каждого из них. В ходе своего опыта Штерн показывал ребенку картинку, которую, по правилам, можно было разглядывать одну минуту, а потом просил испытуемого рассказать в свободной форме все, что он помнит, и без посторонней помощи. Сначала ребенок рассказал, как могло бы показаться на первый взгляд, все, что знал. Но после того, как психолог задал вопрос: «Это все, что ты помнишь?» – испытуемый вспоминал еще детали. Затем Штерн повторил свой вопрос, и ребенок смог рассказать дополнительные подробности²³. Информация о воспринятом у ребенка хранилась, но он смог ее полностью воспроизвести только после нескольких попыток. То есть «запас чувственно воспринятого» был больше, чем приведенный в его показаниях первоначально. Такие сообщения отличаются хорошим качеством.

По-другому дело обстоит с допросом. В нем всегда будет присутствовать, пусть и в разной мере, элемент принуждения. Хоть допрос и дает инструмент для получения данных, он все же добывает их насильственно, содержа приказ: «Вспоминай!». Этот вариант упоминался нами выше: допрашиваемый даст скорее ложный ответ, чем вообще никакой. То есть при допросе вероятность получения неверного ответа повышается. В. Штерн в рамках своего исследования выяснил, что спровоцированное на допросе стремление дать конкретный ответ было настолько велико, что установка дать верный ответ постоянно нарушалась. На два правильных ответа приходился один неправильный²⁴.

²² Лаппо-Данилевский. 2010. Т. 2. С. 295.

²³ Stern. Die Aussage... 1904. S. 15.

²⁴ Ibid. S. 61-63.

Немецкий психолог сравнивает названные выше формы показаний для того, чтобы выяснить, какая из них более достоверна, а какая – менее, а не для того, чтобы выяснить, насколько запас чувственно воспринятого превосходит приводимые сведения. Об уровне достоверности разных форм показаний А.С. Лаппо-Данилевский упоминать не стал, но модифицировал идеи немецкого психолога. И хотя прямой ссылки на то, что это идеи В. Штерна, у российского историка нет, некоторые фразы невольно отсылают к результатам исследования немецкого коллеги, тем более что рассуждения следуют в этом же абзаце, но цепочка мыслей российского историка ведет уже в другую сторону.

Во-первых, Лаппо-Данилевский рассуждает о заинтересованности дающего показания в том факте, который он воспринимает²⁵, о подобном пишет и Штерн: то, что разглядывалось с наибольшим интересом, будет лучше и четче воспроизведено, а то, что было отмечено неосознанно или не вызывало особого интереса, – будет лишь нечетко упомянуто или вообще никак²⁶. Но в отличие от немецкого психолога, Лаппо-Данилевский имеет в виду совсем другое: он говорит о теоретическом и практическом интересе (здесь также нельзя путать с тем, что в подобных случаях подразумевает Штерн) и о том, что человек может сообщать фактическую истину при наличии первого, а не второго. Под практическим интересом подразумевается заинтересованность в факте, желание подвергнуть свершившееся событие субъективной оценке²⁷. Напомним, что в исследовании немецкого психолога тоже фигурирует понятие практического интереса, практично-личное отнесение к ценности (*praktisch persönliche Wertbeziehung*)²⁸, но здесь имеется в виду нечто другое. То, что для сообщающего имеет более практическое значение, что более важно для него с точки зрения практичности, запоминается быстрее и лучше. Таким образом, в ходе рассуждений Лаппо-Данилевского фигурируют определения Штерна, но в них вложен иной смысл. Мысли российского исследователя можно было бы сформулировать, не используя понятий, схожих с понятиями Штерна, следующим образом: если у свидетеля есть личная заинтересованность, то велика вероятность дачи искаженных показаний, которые будут соответствовать его интересам.

Итак, на основе рецепции идей В. Штерна А.С. Лаппо-Данилевский делает следующие выводы. Более достоверные показания даются челове-

²⁵ Лаппо-Данилевский. 2010. Т. 2. С. 295-296.

²⁶ Stern. Die Aussage... 1904. S. 61.

²⁷ Лаппо-Данилевский. 2010. Т.2. С. 295-296.

²⁸ Stern. Die Aussage... 1904. S. 128.

ком о тех вещах, которые являются для него более важными, их он и воспринимает в первую очередь. Показания зависят и от формы, в которой они даются: самопроизвольной или на допросе. В первом случае влияния на сообщающего не оказывается, во втором случае элемент давления всегда присутствует. «Безобидных» вопросов не существует. Влиять на ответ может множество факторов: постановка вопроса, интонация этот вопрос задающего, его жесты. Женщины менее забывают, но более искажают, чем мужчины. Но на этом половое (и возрастное) разделение российским историком дающих показания заканчивается. Лаппо-Данилевский не упоминает, что не только пол, но и возраст играют важную роль в восприятии событий и их последующем воспроизведении, как это доказал Штерн. О зависимости показаний от возраста их дающего российский историк не говорит ничего. Вообще Лаппо-Данилевский не всегда сообщает, что те или иные исследования проводились на детях, а не на взрослых людях, а также зачастую смешивает эти возрастные категории, применяя результаты исследования первых к поведению вторых. Штерн же не раз повторял, что отличия наблюдаются, а прогресс возраста имеет очень характерное психологическое значение²⁹.

В рамках работы с исследованием Штерна российский историк применяет к своему построению не только доказанные им выводы, но и заимствует примеры у своего немецкого коллеги, видоизменяя их и таким образом создавая свои собственные, ярко иллюстрирующие его мысли. Таким образом, рецепция построений Штерна Лаппо-Данилевским протекает не только в форме «идей», но и «примеров».

Если говорить о том, в каком направлении должна развиваться психология для того, чтобы достижения данной науки были еще более полезны истории, то Лаппо-Данилевский считает, что необходимо исследовать механизмы дачи показаний об объектах, следующих во времени, так как, по его мнению, они являются самыми важными для историка. Штерн же в своем исследовании изучал описательные показания, данные на основе картин.

Рецепция А.С. Лаппо-Данилевским идей В. Штерна не может быть оценена однозначно. С одной стороны, становится понятна необходимость применения исследований по психологии в исторической работе: история и психология связаны между собой. Многие показания, уровень их достоверности могут быть объяснены с точки зрения психологии. Они даются людьми, восприятие которых индивидуально и может зависеть от пола человека, его возраста, а также других факторов. Достиже-

²⁹ Ibid. S. 63.

ния этой науки дают историку новый инструментарий при работе с показаниями свидетелей, их критике и оценке. С другой стороны, идеи Штерна в некоторых случаях упомянуты Лаппо-Данилевским довольно поверхностно, им взято лишь то, что «удобно» для его построения, а спорные моменты не выделяются. Но все же применение психологии к построениям методологии истории сделало исследование А.С. Лаппо-Данилевского более глубоким и открыло новые возможности междисциплинарного взаимодействия данных наук.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории: в 2 т. М.: РОССПЭН, 2010. Т. 1-2.
Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. М.: РГГУ, 2008. 358 с.
Stern W. Die Aussage, als geistige Leistung und als Verhörsprodukt // Beiträge zur Psychologie der Aussage. III Heft. Lpz., 1904.
Stern C. und W. Erinnerung, Aussage und Lüge in der ersten Kindheit. Lpz., 1909.
Stern W. Wirklichkeitsversuche // Beiträge zur Psychologie der Aussage. II Folge. 1904.
Stern W. Zur Psychologie der Aussage // Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft. Bd. XXI. 1902.

Вальц Мария Павловна, аспирантка кафедры теории и истории гуманитарного знания Института филологии и истории Российского государственного гуманитарного университета; Madenova_marie@hotmail.com